

ШКОЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

8

ДЖАЛИЛ МАМЕДКУЛИЗАДЕ
АБДУРАГИМ БЕК АХВЕРДОВ

Рассказы

ШКОЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

**Джамал Мамедкулизаде
Абдурагим бек Ахвердов**

Рассказы

M.F.Axundadina
Azərbaycan Milli
Kitabxanası

БАКУ-2010

Составитель
Мустафа Чеменли

М52 Джалил Мамедкулизаде, Абдурагим бек Ахвердов.
Рассказы. Баку, «Təhsil», 2010, 52 стр.

В книгу вошли широко популярные рассказы классиков азербайджанской литературы Дж.Мамедкулизаде «Барашек», «Бородатый ребенок» и А.Ахвердова «Рассказ привратника».

М $\frac{470206201}{053}$ 2010

© «Təhsil», 2010

БАРАШЕК

Кербелай-Мамед-Гусейну прислали из деревни гостинец – барашка. Мамед-Гусейн хотел было тут же прирезать его, но, пощупав тощую спинку, отбросил нож.

– Кожа да кости! – сказал он жене.

Жена посоветовала ему пустить барашка на несколько дней в сад – попасться, нагулять жирку. Мамед-Гусейн согласился с ней и отнес ягненка в сад, но бедняга даже и не взглянул на сочную зеленую травку.

Из дома Азиз-хана, находившегося по соседству, доносилось пение, отчетливо выделялся голос самого Азиз-хана:

*Ты бела, как чистый снег на горе,
Груди парюю гранат у тебя...*

Кербелай-Мамед-Гусейн отвязал барашка, зашел в дом, повязался кушаком, надел чоху, сунул в карман кисет, заткнул за кушак чубук...

– Пойду – отнесу барашка, – сказал он жене.

– Да тебе ж за него и рубля не дадут...

– А я не продавать, хану отнесу. Авось что и выгорит...

С этими словами он спустился во двор, взял ягненка под мышку и, выйдя на улицу, направился к дому Азиз-хана. Пение и хлопанье в ладоши становилось все слышнее.

*Ты бела, как чистый снег на горе,
Груди парюю гранат у тебя...*

У ворот ханского дома стояло несколько крестьян, во дворе тоже топнулись и шумели крестьяне. Под шелковицей паслось несколько ягнят. В углу двора под навесом привязана была несоседланная белая лошадь. Из кухни доносился стук ножей. Слуги хана то и дело таскали в дом еду и выносили грязную посуду.

Кербелай-Мамед-Гусейн поднялся в дом.

– Самед, сынок, – сказал он одному из слуг, входя в переднюю, – доложи-ка хану, что Мамед-Гусейн принес ему барашка.

Немного погодя, платком вытирая губы, из комнаты вышел Азиз-хан. Он был крепко выпивши и, увидев торчащую под мышкой у Мамед-Гусейна голову барашка, растергался.

– Барашек... Какой хорошенький... Барашечек! – И, преисполнившись умиленья, стал целовать барашка в глаза.

– Твоя правда, хан, прекрасный барашек! Тут его один продаватч принес, еле-еле уломал отдать за трешку. Я же знаю, у тебя гости, придутся, думаю, на плов. Барашек что надо!

В комнате все сильнее хлопали в ладоши. Один из гостей Азиз-хана, русский, выглянув в переднюю, позвал хозяина. Хан было поспешил к гостям, потом вернулся и, сунув руку в карман, достал трешку. Подержал ее, хотел сунуть обратно, потом протянул ее Мамед-Гусейну, опять решил положить в карман и, наконец, бросив бумажку на пол, побегал к гостям.

Кербелай-Мамед-Гусейн убрал деньги в карман и пошел во двор, чтобы отнести барашка в сад – пастись вместе с другими.

Крестьяне во дворе все еще громко шумели, споря про какой-то арык, слуги носились взад-вперед, до Мамед-Гусейна никому дела не было. Он сунул барашка под полу и отправился домой.

Барашка он прирезал в тот же день. Барашек и правда оказался совсем тощий.

ПО ВТОРОМУ РАЗУ

Прошло недели две. Как-то раз, болтаясь без дела, Кербелай-Мамед-Гусейн подошел к дому хана. Слуга вытряхивал во дворе палас. Заметив Мамед-Гусейна, он положил палас на землю и направился к воротам. Потолковали о том, о сем. Увидев во дворе двух ягнят, Мамед-Гусейн заметил слуге, чтоб не оставлял ворота открытыми, уйти могут, а на улице какие-нибудь сорванцы схватят.

– Да ты что! Кто же это осмелится украсть барашка у хана?!

Разговор перешел на другое. Мамед-Гусейн стал расспрашивать о хане, о его здоровье – ему нужно было знать, не ожидается ли скорости гости. И слуга, между прочим, сказал ему, что завтра или послезавтра хозяин ожидает к себе мирового и русского врача с

женой; а кроме них, приедут пристав из Демиртепе, Гулам-хан и Сефи-хан.

Через два дня в доме Азиз-хана снова стоял веселый шум. На этот раз были и музыканты. В воротах топнулись ребятишки. Кербелай-Мамед-Гусейн растолкал их и постучался, ворота были открыты, но он не хотел входить во двор без стука.

Гости в доме распевали, хлопали в ладоши, во дворе шумели слуги – все сливалось в один сплошной гул.

– Великули! Братец! Ве-е-ликули!..Видь-ка сюда! – Слуга, пробегавший мимо с чореками в руках, быстро отнес хлеб на место и подбежал к воротам.

– Братец! – сказал ему Мамед-Гусейн, поздоровавшись и справившись о здоровье. – Ты уж попроси хана, чтоб отдал мне три рубля за барашка. Совесть надо иметь, я человек бедный... Прямо не знаю, что делать, кланюсь... Третью неделю хожу сюда, даже стыдно, ей богу...

– Я скажу, скажу ему! Завтра скажу, сейчас хану не до тебя. – Слуга хотел уже было уйти, но Мамед-Гусейн схватил его за полу.

– Нет, нет! Сейчас скажи! – И Мамед Гусейн стал упрашивать парня, обнимая его за шею. – Сейчас! Скажи сейчас!

– Ну, что ты за человек, ей-богу! Как я подступлюсь к нему с каким-то барашком? Не видишь, что творится? Гости же!

– Велик аллах! – Мамед-Гусейн рассердился не на шутку. – Что ты мне такое говоришь? Гости! При чем тут гости, если человек пришел за своими деньгами? Братец, заклиная тебя Хазрат-Аббасом, поди принеси мои деньги!

Тут слугу позвали, и он, пообещав Мамед-Гусейну уладить дело, бросился в кухню – взял большое блюдо с пловом и, торопясь, понес его в дом.

Один из молодых ханов танцевал под музыку, остальные хлопали в ладоши. Танцуня, приблизился он к жене врача и поклонился, приглашая ее танцевать. Ханум стала отнекиваться, уверяя, что не умеет. Окружив ее, гости стали упрашивать даму. Тогда она поднялась, велела музыкантам играть трепака и пустилась в пляс. Все стали хлопать. Азиз-хан налил полный стакан вина, вышел на середину, выпил за здоровье ханум, потом достал из кармана трешку, сунул ее таристу в папаху и принялся хлопать.

У Мамед-Гусейна не хватило терпения ждать, он вошел в переднюю и оттуда стал глядеть на танцующих. Как раз в этот момент Азиз-

хан вынул еще одну трешку и сунул ее в папаху музыканту, который играл на кеманче.

Великули, собрав груду пустых тарелок, направился было в кухню, но Мамед-Гусейн загородил ему дорогу.

– Дорогой, прошу тебя, сходи и принеси мне одну такую трешечку! Ну сходи!

Он умолял ханского слугу, обнимая его вместе с тарелками.

Великули не знал, что и делать.

– Умоляю, не губи меня, несчастного, уважь мою просьбу!

Великули поставил посуду, вернулся в гостиную и почтительно склонился к хану.

– Хан, – зашептал Великули ему на ухо, – там этот бедняга Мамед-Гусейн, у него сынишка захворал, врача надо... Просит за барашка деньги отдать.

Хан напевал, хлопая в ладоши. Так, не переставая напевать, он и вышел в переднюю.

– «Ты бела, как снег на горе...» Чего тебе, Мамед-Гусейн?

– Да вот... денег пришел попросить... за барашка...

– А что, еще принес барашка?

– Нет, я тот раз принес, когда гости были. А вы не заплатили, мелочи не было...

Азиз-хан сунул руку в карман, хотел было вернуться к гостям, потом взглянул на Мамед-Гусейна...

– Как это... не заплатил?... Хан едва ворочал языком. – До сих пор не заплатил?... Мелочи не было... Хм... Барашек... Что за барашек?... Ладно, отдам... Потом... Иди, а я скажу Великули... он отдаст... «Ты бела, как снег на горе...»

Не переставая напевать, хан вернулся к гостям; вынув из кармана начечку денег, он сунул одну трешку в папаху музыканта, бывшего в бубен, а другую бросил Великули, чтобы тот отдал ее Мамед-Гусейну.

Мамед-Гусейн взял трешку и спустился во двор. Гости начали расходиться ближе к полуночи. Сам же хозяин, вдребезги пьяный, к тому времени уже крепко спал.

ПО ТРЕТЬЕМУ РАЗУ

Минуло несколько месяцев. Как-то раз, проходя мимо дома Азиз-хана, Кербелай-Мамед-Гусейн увидел, что у того опять гости. У ворот стояли два фазтона. Польхелал еще один. Из него вышли два русских чиновника и направились во двор.

Мамед-Гусейн постоял у ворот, поглядывая на прохожих, потом, приунывшись у стены на короточках, достал чубук и закурил. Посидев так полчасика, он поднялся, не спеша подошел к воротам и заглянул во двор. Потом, что-то, видно, решив, повернулся и не спеша зашагал к базару.

Несколько дней спустя Кербелай-Мамед-Гусейн сидел на скамеечке в сквере. Был полдень. В сопровождении нескольких крестьян по направлению к нотариальной конторе прошел Азиз-хан. Мамед-Гусейн догнал хана и поздоровался, хотя тот не видел его. Азиз-хан обернулся.

– Хан, – сказал Мамед-Гусейн, почтительно приложив руку к груди, – совестно даже и говорить, но ведь за барашка-то вы так мне и не уплатили.

– Какой еще барашек? – удивился хан. – Как это не уплатил?

– Деньги-то вы достали из кармана – трешницу, – хотели отдать, а потом музыканту ее сунули, так я и остался ни с чем. Хотя сами его спросите, Азим, он на кеманче играет, не умер, слава богу. Да что такое три рубля, чтоб я обманывать стал? Бог с ними...

– Почему это я тебе все должен да должен?! – сердито прервал его хан. – Барашек, чтоб он пропал!.. Остановлавившись посреди улицы: какая-то трешка, какая-то кеманча!... Совесть-то у тебя есть? Тут голова крутом, всяких дел полно, а этот прямо на улице пристаёт со своим барашком, дьявол его возьми!..

И с этими словами Азиз-хан повернулся, чтобы уйти.

– Хан! – сказал Мамед-Гусейн, гордо вскинув голову. – Я от этих трех рублей не обеднею. Пускай пропадают, раз такое дело. Лишь бы ты был спокоен.

Азиз-хан прошел несколько шагов, остановился и, достав из кармана три рубля, позвонил Мамед-Гусейна:

– На! Возьми за своего барашка!

– Да продлит аллах твою жизнь! – сказал Кербелай-Мамед-Гусейн, пряча деньги в карман.

БОРОДАТЫЙ РЕБЕНОК

Прежде чем начать свой рассказ, я хочу заметить, что у некоторых ребятшек бывает дурная привычка – попадись им только в руки карандаш, начинают писать не стенам. Некоторые пишут углем или мелом. Да что там мел или уголь, мне приходилось видеть таких скверных детей, которые ничего не стоит взять в руки гвоздь или ножик и царапать на стенах.

Я недолюбливаю детей, имеющих эту дурную привычку; если ты хороший мальчик и тебе пришлось в голову что-то написать, возьми карандаш, бумагу, сядь и пиши себе сколько влезет.

А теперь перейдем к нашему рассказу.

Я всегда считал, что мои дети, в противоположность другим, не имеют привычки писать на стенах; я неоднократно наказывал им не делать этого, и они дали мне слово, что никогда не будут писать на стенах. И вот недавно я вдруг вижу, что в уголке за дверью веранды изображено нечто, похожее на голову животного; уши, во всяком случае, есть, есть несколько ног, а под рисунком пять палочек и штук шесть кружочков. Начертано все это карандашом, причем так грубо и неумело, что никто, кроме ребенка, не сделал бы ничего подобного.

Очень недовольный, я позвал сыновей.

– Ну, опять пишете на стенах?

Все трое молча стояли перед разрисованной стеной.

– Кто из вас это сделал?

Все трое стали дружно отпираться.

– Выходит, это шайтан писал?!

– Папа! Честное слово, не я!

– Я не писал!

Самый маленький, Курбан, повторяя, что он не писал, закрыл руками лицо и заплакал.

Не переставая ворчать на мальчиков, я взял тряпку, старательно стер написанное и, расстроенный, пошел к себе.

Но успел услышать, как Гейдар сказал Теймуру:

– Это ты написал!

– Сам ты писал!

Прибежал плачущий Курбан.

– Папа! – сказал он, словно сообщая очень важную новость. – Это

Гейдар писал! Ей-богу, это Гейдар!

Примчался обозленный Гейдар и, возмущенно размахивая руками у него перед носом, стал отрицать свою вину. Я накричал на обоих.

– Я не так огорчен тем, что вы исписали стену, – сказал я, когда притихшие мальчики уходили, – как тем, что вы боитесь признаться; мне горько, что со страху вы готовы врать. Кто-то из вас троих наверняка написал это на стене, а вы все клянетесь, что не виноваты! Ведь, кроме вас троих, у нас в доме нет больше детей.

И опять мои сыновья стали клясться и переругиваться.

Прошло недели две. На том же самом месте, за дверью веранды я вновь увидел похожие изображения: что-то вроде животного, а чуть пониже палочки и кружочки.

Это было уже слишком. Я позвал сыновей. И опять слезы, клятвы, опять один сваливает вину на другого...

На этот раз я был настолько возмущен, что весь день не мог прийти в себя, даже кусок не лез в горло. Меня беспокоило, что кто-то из моих сыновей обнаружил дурные наклонности; не обращая внимания на мои требования, мальчик продолжает портить стену и в то же время нагло врет и клянется, из трусости боясь сказать правду.

Но прошел месяц-другой, и неприятность эта стала забываться.

И вот я опять вне себя от ярости. За дверью веранды снова появились эти художества; что-то, похожее на животное, а внизу несколько черточек и кружочков.

На этот раз я ничего не сказал сыновьям; если один из них намеренно злит меня, решив вывести из терпения, лучше, пожалуй, помолчать; может, одумается и поймет, что поступает дурно.

Занимала меня и чисто педагогическая сторона дела: в моей системе воспитания обнаружился весьма существенный пробел; какую ошибку допустил я, старый педагог, в воспитании своих сыновей и что мне надо пересмотреть в моем обращении с детьми?..

Жизнь в большом городе имеет свои несомненные преимущества. Самое главное из них: в лавках и на базаре можно купить все, что тебе угодно, все съестное в любое время к твоим услугам. А то и ходить куда не надо, – что требуется, принесут на дом: фрукты, зелень, масло, брынзу...

К нам тоже ходил один такой поставщик; раза два в месяц он появлялся: в одной руке ведро масла, в другой – корзина яиц, через плечо перекинута весы. Кряхтя и отдуваясь, он поднимался вверх и, поздоровавшись, говорил всегда одно и то же:

– Посуду давайте.

Жена и мальчики, а другой раз и я сам, сразу же выходили к нему, здоровались, спрашивали его о самочувствии, а потом смотрели, что он принес, и спрашивали цену.

Ответ его был неизменен:

– Что ты про цену спрашиваешь, ты посуду давай.

После этого наш поставщик отвечивал несколько фунтов масла, отсчитывал какое-то количество яиц, получал деньги, если они у нас имелись, а если денег не было, уходил, не получив ничего, – рассчитаемся в другой раз.

Человека этого звали Кемле-Азим: худож, высокий, лет сорока пяти, он был бедняк, выходец из Ирана.

Вчера Кемле-Азим, как обычно, принес нам масло и яйца. Масло он особенно расхваливал: дербентское, говорил он, топлишь его, и отходов никаких, и на цвет – чистый янтарь, а уж духовитое какое... Про яйца он сказал, что они из деревни Горнашен, а тамошние куры, кроме луговой травки да цветов, и пищи другой не знают.

Мы остались должны ему рублей пять за масло и сколько-то за яйца, и так как мелких денег в доме не оказалось (крупных, впрочем, тоже), Кемле-Азим забрал свои пожитки и ушел. Я вернулся было к себе, но тут вдруг вспомнил, что хотел дать поручение Кемле-Азиму: если придет кто-нибудь из Ардебиля, чтоб сообщили – мне необходимо было узнать кое-что о тамошнем ученом Мирзе-Алекпере (дело в том, что Кемле-Азим был родом из Ардебиля).

Я быстро вышел на веранду и увидел, что Кемле-Азим, поставив на пол ведро с маслом и корзину с яйцами, стоит за дверью веранды, задумчиво сунув в рот огрызок карандаша. На стене красовалось нечто, похожее на животное, а чуть пониже несколько палочек и кружочков. Пораженный, я вдруг все понял.

– Дядя Молла, – сказал Кемле-Азим, заметив мое удивление, – я ведь не знаю грамоты, вот и рисую, чтоб счет не спутать.

Я засмеялся. Он тоже улыбнулся. Я стал расспрашивать, что означают его изображения.

А значили они следующее: корова, которую он пытался изобразить, и пять палочек под ней обозначали пять рублей, которые я остался должен ему за коровье масло, а кружочки – был мой долг за яйца.

Я опять рассмеялся.

– Идите-ка сюда! – позвал я сыновей.

Те тотчас прибежали и сразу же увидели пометки на стене за дверью.

– Ну, кто это сделал, папа?

– Это писал и рисовал такой же ребенок, как вы; разница лишь в том, что у него есть борода, а у вас бороды пока что нет.

Мальчики весело рассмеялись, причина радоваться у них была, что, надеюсь, понятно и читателю.

Абдурагим-бек Ахвердов

РАССКАЗ ПРИВРАТНИКА

(Из повести «Письма из ада»)

По соседству с нами жил скромный бакалейщик по имени Ибрагим. Человек он был бедный, безупречно честный, никого ничем не беспокоил и, если с кем-либо случалась беда, первый спешил на помощь.

У него был единственный сын по имени Ферман, красивый, смелый, энергичный юноша, пользовавшийся у своих сверстников большим уважением. Он не уступал отцу в честности и правдивости: крепкий в дружбе, он готов был отдать товарищу последнюю рубашку.

У Ибрагима был брат по имени Гаджи-Камяб, самый богатый человек в городе. Он вел крупную торговлю и имел конторы в Стамбуле, Баку, Тифлисе, Батуме.

Товары его шли во многие города России.

Ежегодно Гаджи выезжал и в Россию и в Турцию, чтобы проверить своих представителей и ознакомиться с состоянием рынков.

Ему принадлежало также более восьмидесяти деревень, ковроткацкая фабрика. Несколько сот рабочих работали у него на фабрике и в садах. Вагонами отправлял он в Россию сабу, изюм из собственных садов.

Дом Гаджи-Камяба славился гостеприимством. Ежегодно в мухар-рам Гаджи-Камяб первые десять дней устраивал траурные собрания в память убитых имамов. У него собиралась в эти дни вся знать – купцы, сеиды и улемы. А после ашуры сорок дней подряд Гаджи устраивал тэкие, на которых сладкий чай лился, как весенний горный поток.

Но вместе с тем он никогда не помогал брату Ибрагиму, говоря:

– Оба мы от одних родителей. Отец оставил нам равные доли наследства. Пусть старается и наживает, как я...

Нельзя сказать, чтобы Гаджи-Камяб чуждался брата. Нисколько. Ибрагим и его сын Ферман часто бывали у Гаджи, нередко выполняли его поручения. Когда бывали у него собрания или тэкие, он приглашал и брата с племянником. Ведь неудобно было их обходить, люди могли упрекнуть Гаджи в чванстве.

У Гаджи-Камяба была прелестная дочь Гоартадж.

Ферман и Гоартадж были однолетки и росли вместе. Они любили друг друга, как брат и сестра, но с течением времени их любовь при-

няла другой характер. Ферман не находил места в те дни, когда не встречался с Гоартадж. Поэтому он целыми днями с утра до вечера исполнял самые тяжелые работы в доме у дяди: насыпал сабузу в ящики, изюм – в мешки, грузил тюки на повозки. И все это он делал даром, довольствуясь лишь одной наградой – видеть Гоартадж.

Гаджи-Камяб прекрасно понимал, что вызвано усердие племянника, но не подавал вида и молча пользовался его трудом.

«Пусть работает, – рассуждал он про себя. – Ферман мечтает получить в жены мою дочь. Пускай мечтает на здоровье. Когда придет время выдавать дочь замуж, я найду ей жениха, достойного меня и моего положения. Не стану же я выдавать ее за голодранца, будь он трижды моим племянником».

Однажды Гаджи-Камяб вызвал Ибрагима и Фермана.

– Завтра придет ко мне Худаяр-хан, – сказал он. – Вы должны прислуживать ему и смотреть за лошадьми.

Отец с сыном изъявили полную готовность выполнить его распоряжение и ушли.

Худаяр-хан слыл самым богатым и могущественным помещиком в области. Он владел пятью тысячами крестьян, жизнью и имуществом которых мог распоряжаться как угодно. Крестьяне не смели без разрешения хана продавать на сторону фрукты из своих садов, урожай с полей, скотину, шерсть.

Сам хан указывал им покупателя и назначал цену.

Купец, желавший купить шерсть, хлопок, сушеные фрукты, хлеб, должен был предварительно договориться о цене с ханом, и тот приказывал крестьянам брать за продаваемое назначенную им цену.

Конечно, для купца хан устанавливал одну ставку, для крестьян другую. А разница шла ему в карман.

Гаджи -Камяб был постоянным клиентом Худаяр-хана и потому с особенной заботливостью готовился к приему такого гостя.

С раннего утра в доме Гаджи-Камяба готовились к встрече Худаяр-хана. Сидя в зале, хозяин отдавал распоряжения слугам.

На дворе были расставлены огромные котлы. Знаменитый повар Уста-Расул в переднике, тубетейке, засучив рукава, ожидал, когда закипит вода. Его подручный резал мясо и крошил зелень, очищал миндаль, подготавливал баклажаны, сливы.

Ибрагим, зарезав с полсотни цыплят, теперь ошпаривал их и шипал. Ферман метался между базаром и домом, таская то одно, то другое.

Люди во дворе и у ворот Гаджи-Камяба копошились, как муравьи в муравейнике. Одни носили воду, другие рубили дрова, третьи разжигали огонь под котлами, четвертые промывали рис.

Но усердием всех работал Ферман. Он хотел показать свою ловкость и распорядительность дяде, а еще больше Гоартадж, которая то и дело подходила к окну и ласково улыбалась ему.

Ферман был уверен, что в конце концов дядя усыновит его и женит на Гоартадж. Так думала и Гоартадж. Но у Гаджи-Камяба были другие планы, о которых я уже говорил.

К полудню плов был готов и поставлен на слабый огонь. Гаджи-Камяб облекся в самое дорогое платье и приготовился к встрече хана. Чтобы усладить слух гостя за обедом, в дом были приглашены известные музыканты и певцы.

В большом зале на коврах была разостлана скатерть, расставлены шербеты, варенья и разных сортов халва. К обеду пригласили человек двадцать – тридцать из городской аристократии и именитых купцов.

После полуденного намаза стали постепенно собираться гости. Вскоре прибежал, запыхавшись, человек, отряженный Гаджи-Камябом к городским воротам, и сообщил, что хан едет.

Гаджи-Камяб вышел к воротам своего дома. Наконец появился хан со свитой из двадцати пяти вооруженных всадников.

Подбежав к лошади хана, Ферман взял ее под уздцы и поддержал стремя хану, когда тот спешился.

Хан обратил на него благосклонное внимание и спросил, пожимая руку Гаджи-Камябу:

– Гаджи, кто этот юноша?

– Да стану я жертвой ради вас! Это мой племянник.

– Молодчина! – похвалил хан. – Хороший парень. Мне он нравится.

– Ваш слуга!

Тут спешились и люди, сопровождавшие хана.

Хан еще раз пристально взглянул на Фермана и вместе с Гаджи вошел в дом.

За ними последовал человек из ханской свиты, неся украшенную драгоценными камнями шкатулку.

2-7 90960

M.F. Axundov adına
Azərbaycan Milli
Kutubxanası

Увидев шкатулку, Ферман почувствовал, как тревожно забилося у него сердце.

Собравшиеся в зале гости встали и почтительно поклонились хану, который прошел в почетный угол и сел на мягкую подушку.

Гостям подали сладкий чай, затем внесли кувшин с водой и таз – для омовения рук.

Начался обед.

На больших круглых подносах подавали плов со всякими приправами. Гости ели, пили, услаждая музыку и пением.

Связь между залом, где сидели гости, и внутренними комнатами – женской половиной – поддерживал Ферман, который часто ходил туда то за шербетом, то за кофе или кальяном для гостей. И там, встречаясь взглядами с Гоартадж, глубоко вздыхал.

Гоартадж чувствовала, что ему не по себе, но не решалась обратиться с расспросами при матери.

Обед затянулся до вечернего азана. Наконец гости встали и, по-благодарив за угощение, разошлись по домам.

Хан решил ехать утром и заночевал у Гаджи-Камяба.

Вечером хан и Гаджи-Камяб, оставшись наедине, поговорили о торговых делах и произвели взаимные расчеты.

Покончив с этим, хан обратился к Гаджи-Камябу со следующими словами:

– Мы связаны долголетней дружбой, и ты ведешь торговые дела со мной и с моими крестьянами. Твоя честность в делах и умение обращаться с людьми завоевали тебе общие симпатии. На этот раз я приехал не для расчетов по пшенице или хлопку. У меня другая цель.

Гаджи еще раньше, увидев шкатулку, догадался о намерениях хана, но, не выдавая своих мыслей, молча слушал и то и дело кивал головой.

– До сих пор мы были только друзьями, теперь же давай породнимся. Сын мой Герай-хан вырос, возмужал, и его пора женить. А у тебя в доме дочь. Возьми в сыновья моего сына, а я приму в семью твою дочь. После долгих размышлений я пришел к заключению, что ни с кем, кроме тебя, мне не породниться. Надеюсь, уважишь мою просьбу и передашь эту шкатулку дочери.

Сделка эта устраивала обе стороны. Правда, Худаяр-хан был несметно богат. Но, наследуя вместе с отцовскими еще и средства Гаджи-Камяба, его сын стал бы вдове богаче и могущественнее.

Что же касается Гаджи-Камяба, то выгоды от такого брака были для него и для его торговли очевидны.

Взяв шкатулку, Гаджи ответил:

– Хан, я ваш преданный слуга, а дочь моя ваша рабыня. Смеем ли я возражать против ваших желаний?!

– Да благословит аллах наше родство! – сказал хан и поцеловался с Гаджи-Камябом.

Захватив шкатулку, довольный, улыбающийся Гаджи отправился к жене, чтобы поделиться с ней своей радостью.

– Такое счастья ни мне, ни тебе, ни Гоартадж не могло и присниться. Какая честь породниться с таким человеком, как Худаяр-хан! Никто из людей моего круга и не мечтал достигнуть такой вершины счастья... Весь город теперь будет говорить о нас. На базаре на меня будут пальцами показывать. Какое счастье! Какая честь!

– А зачем ты не прибавил, что я – твоя жена – стану тещей Герай-хана! – весело сказала жена, беря шкатулку. – Недавно я мылась в бане и вдруг слышу, какая-то женщина спрашивает у другой, сидевшей поближе ко мне:

– Кто это моется? Скажи ей, чтобы отодвинулась подальше и не брызгала на меня водой.

Когда ей ответили, что это жена Гаджи-Камяба, она фыркнула и сказала:

– Подумаешь, жена большого человека! Невестка бакалейщика Ибрагима! Пускай отодвинется!..

Оглянувшись я, и что же вижу? Оказывается, эта нахалка – жена голодного Камран-хана.

– Это тот самый Камран-хан, – вставил Гаджи-Камяб, – который мне должен две тысячи туманов и никак не может расплатиться...

– В кармане у мужа ни гроша, а сколько спеси у жены! Теперь я с ней поквитаяюсь... Пока буду мыться в бане, заставлю ее ждать в предбаннике. Ей скажут:

– погоди, нельзя входить... Там моется теща Герай-хана.

– Так ей и надо, – сказал Гаджи. – Но это все дело будущего. Я иду к хану, а ты позови дочь и скажи ей о сватовстве.

После ухода Гаджи-Камяба жена открыла шкатулку: она была полна драгоценностей. В доме Гаджи-Камяба тоже было немало драго-

ценностей, но женщине показалось, что богато отделанная шкатулка с содержимым стоит всего имущества Гаджи.

Она позвала Гоартадж.

– Дочка, посмотри, какой подарок сделал тебе Худайр-хан! – сказала она и, вынув из шкатулки жемчужное ожерелье, надела его девушке на шею.

Гоартадж в недоумении смотрела на мать, ничего не понимая.

– Что же ты не радуешься? На твою долю выпало большое счастье. Теперь ты будешь купаться в драгоценностях! Ты скоро станешь госпожой десяти тысяч душ крестьян.

Девушка не допускала и мысли, что отец может выдать ее за кого-нибудь другого, кроме Фермана, и в первую минуту подумала, что хан дарит ей жемчужное ожерелье к свадьбе. Но последние слова матери раскрыли ей все.

– Нет... мамочка! – только смогла сказать бедняжка, и из глаз ее полились слезы.

Мать рассердилась:

– Убирайся отсюда! Ты – девушка, и тебе стыдно так отвечать родителям. Если отец увидит тебя в таком состоянии, он убьет тебя, как собаку... Ступай и молча сиди в своей комнате. Какой-то паршивый Ферман будет тягаться теперь с сыном Худайр-хана! Одумайся и успокойся. Нельзя отталкивать свое счастье.

Девушка, плача, ушла.

Тебе знакомы наши обычаи. Если отец захочет отдать девушку за первого встречного бездельника, дочь должна покориться. Женщина и пикнуть против воли мужчины не смеет.

Конечно, мать Гоартадж хотела ей счастья, но она не смела идти наперекор мужу; и кроме того, она не могла отказаться от желания выказать свое превосходство перед другими купеческими женами.

«Все девушки такие! – убеждала она себя. – Поплачут день, другой, потом успокоятся... И Гоартадж, когда будет купаться в молочных реках, забудет все свои теперешние горести».

***

Гоартадж проплакала всю ночь. На следующий день она старалась при матери казаться беззаботной, веселой, а оставаясь одна, вновь горько рыдала.

О том, что дочь Гаджи-Камяба посватал Худайр-хан, через несколько дней узнал весь город. Все купцы, знатные люди и этот самый Мирза-Ахмед, подметающий теперь улицы в аду, поздравляли Гаджи-Камяба. А Мирза-Ахмед даже подарил невесте дорогой коврик и еще кое-что, необходимое для намаза.

В городе только двое были удручены и смущены этим известием: бакалейщик Ибрагим и его сын Ферман.

Ферман сидел дома, стыдясь показаться на глаза товарищам. Наконец он сказал отцу:

– Знаешь, отец! Я этого оскорбления не перенесу. Неужели я хуже сына Худайр-хана? Чем соблазнился дядя? Богатством? Разве он сам недостаточно богат? И ведь у него одна дочь. Как позволила ему совесть отвергнуть племянника, который рабски трудился для него, и выдать дочь за ханского сына, чтобы потом самому униженно стоять у порога ханского дома и не сместь войти, пока не будет милостивого ханского разрешения!.. У меня нет никакого выхода. Я не выдержу разлуки с Гоартадж. Убью и Герай-хана, и дядю, и себя. Раз она мне не досталась, пусть и ему не достанется...

– Сын мой! – стал наставлять его Ибрагим. – Откинь эти мысли. Что значит – убью, умру? Дядя не хочет иметь дело с такими бедняками, как мы. Сам он богат и потому ищет общества таких же богачей. Ты красивый, умный юноша и славившийся среди молодежи. Посватаешь любую другую состоятельную девушку, и отказа тебе не будет. Дядя не хочет отдавать за тебя дочь, аллах с ним! Известно, что светильник своего дна не освещает.

– Отец! Мне не нужно никаких богатств! Пусть дядя отдает свои богатства кому угодно. Мне нетрудно заработать кусок хлеба. Пусть отнимутся у меня обе руки, если они не смогут содержать одну голову. Я хочу только ее, мою возлюбленную. Я не могу встретиться с товарищами. У меня нет иного выхода...

***

Жена сообщила Гаджи-Камябу о болезни дочери. Сильно встревоженный Гаджи пошел к Гоартадж, которая в этот день не вставала с постели.

– Что с тобой, дочка? – спросил Гаджи у побледневшей и осунувшейся девушки.

– Ничего особенного, отец! Вероятно, простудилась. Голова болит. Приму потогонное, и все пройдет.

Гаджи вернулся к жене.

– Девушка больна, и я знаю причину болезни, – сказал он. – Она увлечена этим негодным сыном моего брата Ибрагимом. Я не буду говорить с ней об этом. Лучше ты растолкуй ей. Разве можно сравнивать Худайр-хана и бакалейщика Ибрагима, Герай-хана и бездельника Фермана? Боюсь только одного: как бы болезнь не усилилась. Хорошо было бы послать за врачом Мирза-Мехти. Но медлить со свадьбой никак нельзя...

Выйдя от жены, Гаджи-Камяб послал человека за врачом.

Мирза-Мехти пощупал пульс больной и, приставив палец ко лбу, задумался.

– У девушки неведомая мне болезнь, – сказал он родителям. – Сорок пять лет лечу людей, но такой болезни не встречал. Подождем три дня. Зайду еще раз. Быть может, к тому времени болезнь примет какую-нибудь обычную форму.

Врач ушел. Он прекрасно знал, чем вызвано такое состояние Гоартадж, но притворился перед Гаджи, что не может разобраться, чем больна девушка. Просто он не мог указать средства против любовного недуга.

После ухода врача Гаджи-Камяб послал слугу за братом. Закрыв лавку, Ибрагим поспешил на зов.

Гаджи-Камяб повел брата в свою комнату и предложил сесть:

– Присаживайся, братец!..

Ибрагим, никогда не удостоивавшийся такого внимания, был немного удивлен. Он сел на пол, поджав ноги под себя.

– Ибрагим! – начал Гаджи-Камяб. – Я вызвал тебя вот по какому делу. Сын твой Ферман хороший парень, но то, что у него нет определенного занятия, говоря по правде, сильно меня огорчает. И как бы там ни было, он мой племянник... Поговори с сыном, пусть возьмется за какое-нибудь дело. Передай ему от меня тысячу туманов как оборотные средства. Если увижу, что у него все ладится, не пожалей дать еще денег. Я не враг ему и желаю только добра. И мне очень неприятно, что он водится с бездельниками, ведет пустой образ жизни. Пора уж ему образумиться, начать работать... А я ему всячески помогу... Тогда никто не посмеет сказать, что племянник Гаджи-Камяба бездельник...

Ибрагим, еще никогда не имевший на руках таких денег, радостный и счастливый прибежал домой и тотчас же позвал Фермана.

– Сын мой, дядя прислал тебе тысячу туманов. Пора начинать какое-нибудь дело. Займись торговлей. Во-первых, не будешь болтаться без дела, во-вторых, выбросишь из головы вредные мысли, которые тебя угнетают... Дядя сказал, что и впредь будет тебя поддерживать... Только бы ты занялся настоящим делом.

Ферман взял деньги, подержал их в руке и сказал:

– Отец! Чем объяснить такую неожиданную щедрость дяди? Почему он до сих пор не давал мне таких денег? Что же, он только теперь меня заметил? Может, он этой подкачкой хочет заткнуть мне рот? Отнеси деньги обратно Гаджи-Камябу, пусть не расточает своего богатства. Это невыгодно!..

Сказав это, Ферман положил деньги перед отцом.

Ибрагим стал уговаривать сына:

– Сын мой, наше положение тебе хорошо известно. Все содержание моей бакалейной лавочки не стоит и трети этих денег. Тысяча туманов в руках такого молодца, как ты, большой капитал. Пусти его в оборот. Закупи товар, повези его в другой город, там продай, купи других товаров, привези сюда. Работай, помогай мне. Сам видишь, как тяжело нам живется.

Но рассуждения отца не переубедили Фермана.

– Отец, – сказал он, – даю тебе слово, что с завтрашнего дня возьмусь за работу. Купец Гаджи-Рахман давно ходит за мной, просит поступить к нему в лавку. Он обещает два года держать меня на жалованье, а потом сделает своим компаньоном. Лучше я поступлю к Гаджи-Рахману, чем приму дядину подкачку. Верни Гаджи-Камябу его деньги.

Чувствуя, что переубедить сына не удастся, Ибрагим замолчал и унес деньги к себе.

***

Через час после вечернего азана кто-то постучал в двери Ибрагима. Открыв их, Ферман увидел своих товарищей и очень им обрадовался.

– Добро пожаловать! Входите.

Войдя в комнату, товарищи наперебой стали расспрашивать Фермана:

– Где ты пропадал эти дни? Мы думали, уж не заболел ли? Хорошо, что здоров.

Поблагодарив друзей за внимание, Ферман рассказал им о своем горе.

– Вы хорошо знаете, что я всегда ходил с высоко поднятой головой, а теперь дядя так унизил, что стыдно показаться людям. Никак не мог допустить, что он оставит меня в стороне и выдаст дочь за другого. Правда, Худаар-хан богат, но разве дядя уступает ему в богатстве? Если он хочет, чтобы его деньги достались сыну Худаар-хана, пусть отдаст их ему, но не отнимает у меня возлюбленной. Теперь уж мне невозможно говорить с дядей, а отец на это не решится... Я лишился сна, и кусок застревает у меня в горле. Разве бедняк не человек и не может любить?

Друзья стали утешать его:

– Не подobaет мужчине так убиваться из-за девушки. Дядя выдаст дочь не за тебя, а за сына Худаар-хана? Ну, и черт с ним, пусть выдаст... А мы думали, что случилось? Брось ты эти мысли! Мало ли в городе девушек красивее твоей двоюродной сестры!

Один из товарищей перебил советчика:

– Не то ты говоришь, братец. Мы считаем себя молодцами. Но какая нам честь, если попавшему в беду другу будем читать лишь пустые наставления? Ему надо помочь! Если не отвоюем его возлюбленную, нам остается бросить папаки собакам...

– Но как ему помочь?

– Похитим дочь Гаджи-Камяба!

– Как можно похитить дочь такого человека, как Гаджи-Камяб?

– А почему нельзя? Даже отца такого человека, как Гаджи-Камяб, шечь можно... Лишь бы девушка согласилась, а в этом нет сомнения. Установим слежку. Когда Гоартадж будет идти в баню, мы ее направим по другому пути... Только бы заранее предупредить ее...

– Самое трудное как раз в этом. Ни один посторонний не имеет доступа в женскую половину дома Гаджи-Камяба.

Тут вмешался Ферман, словно пробудившийся после тяжелого сна.

– Я сумею предупредить девушку...

– Если так, то все хорошо.

– У меня для этого дела есть подходящий человек, – продолжал Ферман. – Но куда мы ее уведем? Никто из горожан не осмелится спрятать у себя дочь Гаджи-Камяба.

– Девушку можно будет устроить в доме Гаджи-Мирза-Ахмед-аги. Оттуда сам имам не сумеет ее взять... А с другой стороны, и Гаджи-Камяб не посмеет идти против воли Гаджи-Мирза-Ахмед-аги.

Это предложение все одобрили.

– Раз Ферман берется предупредить девушку, все остальное удется... Товарищи еще немного побеседовали, выпили чаю и разошлись.

Проводив их, Ферман прошел к отцу.

– Отец, дай мне тысячу туманов, что прислал дядя.

– Что случилось? Не товарищи ли тебя уговорили?

– Вроде этого...

Ибрагим передал деньги сыну.

Ферман взял их и вышел из дому.

* * *

Врач Мирза-Мехти принимал у себя дома больных. Увидя Фермана, он удивился. Ферман слыл здоровым, крепким юношей, а по его лицу и сейчас нельзя было предположить, что он болен.

Усадив его, Мирза-Мехти стал расспрашивать:

– Что с тобой? Как прикинулась болезнь? Рассказывай!..

– Хеким-баши, – сказал почтительно Ферман, – болезнь у меня очень серьезная. И без моих объяснений она вам должна быть понятна. Вам известно, что с раннего детства я рос у моего дяди Гаджи-Камяба вместе с его дочерью Гоартадж. И с детства мы любили друг друга как товарищи... Со временем это чувство приняло другой характер, и мы полюбили друг друга со всей пылкостью юных сердец. Правда, когда я вырос, дядя отдалил меня от дома. Но и я, и Гоартадж были уверены, что дядя нас не разлучит навсегда. Так думала и вся наша родня. И все утверждали:

– У Гаджи-Камяба несметные богатства. Конечно, он не захочет, чтобы эти богатства перешли в чужие руки, и выдаст дочь за племянника, чтобы ему же передать и свои богатства.

Теперь он дал слово Худаар-хану выдать дочь за его сына и принял свадебный подарок. А я остался ни с чем. И все это так действовало на Гоартадж, что она слегла в постель, хотя никакой другой болезни, кроме любви, у нее нет.

– Это мне известно, сказал врач. – Но что привело тебя ко мне?

- Хеким-баши! В этом деле лишь вы можете мне помочь...
- Каким образом?
- Вы лечите Гоартадж и ежедневно бываете у нее. Если бы вы согласились передать ей от меня несколько слов?
- Говори, что тебе надо. Я передам.
- Да благословит вас аллах! Я решил с помощью нескольких товарищей сегодня вечером похитить ее. Вы только скажите ей, чтобы она через час после вечернего азана вышла к воротам...

Мирза-Мехти вспылил:

– Это что за предложение! Да понимаешь ли ты, что говоришь! Как ты смеешь обращаться ко мне с подобной просьбой! Стыдно! Твой отец Ибрагим – разумный человек, но ты, видно, не пошел в него. Не уважай я Ибрагима и твоего дядю Гаджи-Камяба, я наговорил бы тебе много неприятных слов. Потрудись уйти сейчас же!.. Обратись к какой-нибудь бабе-знахарке, может быть она согласится принять такое поручение...

– Хеким-баши, – стал умолять Ферман, – вы прекрасно понимаете, что я молод и сейчас настолько потерял голову, что сам не все понимаю, что говорю. Простите меня! Вы врач, лечите больных. И если одним вашим словом вы можете спасти тяжело больного юношу от смерти, то неужели вы будете так жестоки, что не произнесете его! Покажите меня, хеким-баши! И примите этот маленький подарок.

И Ферман положил перед врачом тысячу туманов.

При виде такой суммы глаза хеким-баши загорелись, как у кошки.

– Сын мой, – сказал он, – эти деньги ни к чему. Твои последние слова убедили меня сильнее всего: если несколькими словами можно спасти жизнь человеку, то не сказать их – грех.

– Нет, хеким-баши! – настаивал Ферман. – Я очень прошу принять этот подарок как вознаграждение за лечение моей болезни...

Хеким-баши обещал известить обо всем Гоартадж и, разумеется, не преминул опустить «маленький подарок» в карман.

***

Навестив Гоартадж, врач встретился в дверях с Гаджи-Камябом.

– Хеким-баши! – встревоженно спросил Гаджи. – Определили болезнь?

– Вполне определил! Сегодня, вероятно, дочь ваша уже встанет с постели.

Проводив врача, Гаджи-Камяб зашел к Гоартадж, которая уже была на ногах. Радостно улыбаясь, она шла навстречу отцу.

– Здравствуй, отец! Сегодня хеким-баши дал мне такое лекарство, что я сразу почувствовала себя здоровой. Теперь у меня ничего не болит. Гаджи-Камяб пошел с этой вестью к жене, которая тотчас же прибежала к дочери.

Увидев Гоартадж на ногах, мать стала утверждать, что врач тут ни при чем.

– Вчера я была в имамзада и поставила свечу. Вот она и помогла... Какое же иное лекарство может вылечить больного в один день!

Девушка, смеясь, согласилась с матерью.

***

– Но я должен сказать несколько слов о наших имамзада, – сказал привратник. – Потом я продолжу рассказ.

– Пожалуйста.

– Вот слушайте...

– У нас, в Иране, нет села или города, где бы не было нескольких имамзада. В городе с десятью тысячами жителей вы можете насчитать шестнадцать имамзада. Если, приехав в какой-нибудь поселок, вы спросите первого встречного, где имамзада, окажется, что их тут несколько.

Вам известно, что население нашей страны когда-то поклонялось огню. В каждом городе, в каждом селе было одно или несколько капищ.

После того как народ был навязан силою меча ислам, он, не желая целиком отвергнуть религию предков, все эти капища огнепоклонников превратил в имамзада. Пережитки древней религии существуют ещё и поныне. Часто можно слышать такие клятвы:

– Клянусь луной! Или – клянусь светильником! Или – клянусь горящим очагом, клянусь солнцем и так далее...

Обряды огнепоклонников совершаются даже в Мешхеде над гробницей – Имама-Ирзы.

В древности встречали и провожали солнце трубными звуками и барабанным боем. То же происходит и сейчас на минарете мечети

Имама-Ирзы. Ежедневно там встречают и провожают солнце трубным гласом и барабанным боем.

Теперь расскажу вам кое-что о наших городах.

Подъезжая к любому городу моей родины, вы увидите высокие городские стены с большими воротами. Эти ворота днем открыты и запираются только на ночь. Войдя в город, вы попадаете на большую площадь, которая называется «эрк»; здесь стоит несколько пушек времен Шаха-Тохмаспа; в их жерлах голуби свили себе гнезда.

Другая площадь расположена в центре города и называется «сабзи мейдан» – зеленая площадь. Здесь иногда разбиты цветники, посажены деревья. Это – место прогулок горожан.

По обеим сторонам улиц тянутся глухие серые стены. Сюда не выходит ни одно окно, не выступает ни один балкон. Если в доме окна прорезаны на улицу, знайте, что это дом иноверца. К невысоким воротам приделан молоточек, которым стучат, давая знать о себе хозяину.

Пройдя ворота в богатых и зажиточных домах, вы входите в крытое помещение, где имеются две двери. Одна из них ведет в мужскую половину – бирун, другая – в женскую – эндерун.

Пройдя через одну из этих дверей, в бирун или эндерун, а затем во двор, вы попадаете словно в рай. Тут каждому хозяину предоставляется возможность показать свой вкус и умение. Здесь фонтаны, бассейны, цветы, привезенные из разных стран, певчие птицы в клетках, подвешенных к деревьям, и гуляющие павлины с распушенными хвостами, которые отливают всеми цветами радуги.

Словом, попавши в такой цветник, не хочется уходить. В таких садах проводят время и отдыхают – на женской половине женщины, на мужской – мужчины.

Женщины могут быть уверены, что ни один мужчина на их половину – в эндерун не попадет, поэтому они ходят здесь в любом одеянии, а то и вовсе без всякого одеяния. Часто они купаются тут же в бассейне. Кроме хозяина дома и членов семьи, никто на эту половину доступа не имеет.

Такой же дом был и у Гаджи-Камяба. Его цветники славятся на весь город. Даже избалованному Худаяр-хану понравился его сад.

Вечером Гоартадж вышла погулять в садик. Еще днем она взяла у матери свои драгоценности и принарядилась, будто к празднику. Девушка взволнованно ходила по садику, ожидая условленного часа. Ро-

дители радовались внезапному ее выздоровлению и ничего не подозревали.

В назначенный час она услышала трехкратный стук в ворота. Гоартадж стремительно проскользнула через калитку на улицу, где ее ждал Ферман с товарищами.

Она схватила его за руку, и молодые люди быстро скрылись.

* * *

Поздно вечером, когда настало время сна, жена Гаджи-Камяба вышла в садик и стала звать:

– Гоартадж, иди спать... Ты можешь простудиться, ведь ты только что встала с постели.

Но Гоартадж не отзывалась. Мать обошла весь сад и, потрясенная, кинулась к мужу сообщить об исчезновении дочери.

Совершив вечерний намаз, Гаджи-Камяб собирался уже спать. Выслушав жену, он поднял на ноги всех слуг. Подозревая, что виновник исчезновения дочери Ферман, он направился прямо в дом Ибрагима.

Услышав стук в ворота, Ибрагим в одной рубашке вышел открывать и очень удивился, увидев Гаджи-Камяба.

– Это ты, брат, так поздно! Что случилось? Ты и днем никогда ко мне не заглядывал... А теперь – ночь!..

– Где Ферман?

– Ушёл с товарищами к азану. Когда ты постучал, я думал, это он возвратился.

– Он не сказал, куда идет?

– Нет, я его никогда не спрашиваю об этом. Человек он свободный, куда хочет, туда и идет.

– У меня исчезла дочь. Я уверен, что она с ним. Проклятый бесстыдник, негодяй! Я его приблизил к себе, денег ему дал, человеком хотел сделать, а он опозорил меня на весь мир. Что я теперь отвечу Худаяр-хану? Он разгромит мой дом!

Бранясь и ругаясь, Гаджи-Камяб ушел. Всю ночь он обходил город, заходя всюду, где, по его мнению, могли скрыться беглецы, но ни о Фермане, ни о своей дочери ничего не смог узнать.

На другое утро Гаджи-Камяб разослал по городу и окрестным селам людей с оповещением о том, что указавшему местопребывание Фермана или Гоартадж будет выдано вознаграждение в пять тысяч туманов. Соблазнившись наградой, все городские бездельники превратились в сыщиков и занялись розысками исчезнувших молодых людей.

Несколько дней длились розыски, но безрезультатно.

* * *

Вечером у Гаджи-Мирза-Ахмед-аги сидело несколько гостей из городской знати. Показавшись в дверях, слуга знаком дал понять Гаджи-аге, что его спрашивают.

— Что случилось? — справился Гаджи-Мирза-Ахмед-ага, выходя из гостиной.

— Ничего особенного, ага. Юноша и девушка ищут у вас защиты и убежища.

— Отправь девушку на женскую половину, а юношу устрой пока в другой комнате. Когда гости уйдут, я займусь ими.

Слуга поклонился и ушел исполнять распоряжение своего господина, а Гаджи-Мирза-Ахмед-ага вернулся к прерванной беседе.

Если в дом Гаджи-Мирза-Ахмед-аги удавалось попасть скрывшемуся от властей преступнику, будь то даже убийца или разбойник, он мог считать себя в полнейшей безопасности.

Ни полицейский чиновник, ни хан, ни какой бы то ни было представитель власти не смел тронуть укрывавшегося в этом доме, который считался священным и неприкосновенным местом.

Отец и дед Гаджи-аги также были известными мучителями. Все население считало Гаджи-Мирза-Ахмед-агу святым человеком. Говорили даже, что для разрешения наиболее сложных вопросов Гаджи-ага уединяется в потаенную комнату и там в полночь беседует непосредственно с самим пророком, получая от него советы.

Гаджи-ага содержал платных агентов, распространявших повсюду выгодные для него слухи, а темная масса слепо им верила.

Вы можете спросить, откуда Гаджи-ага добывал деньги, чтобы оплачивать агентов.

Официально он не получал ни от кого и крана, но сам владел богатствами, которые трудно было даже учесть. Ему принадлежало

несколько сот деревень. Но десять-пятнадцать фарсангов тянулись вокруг города земли Гаджи-аги. Трудно было сосчитать коней в его табунах, овец и коров в стадах. Караваны, перевозившие хлопок, хлеб и сушеные фрукты с его пашен и садов, растягивались на такое расстояние, что конца им не было видно. Ни один хан или помещик не мог с ним тягаться в богатстве. Все, чем владел Худаяр-хан, было ничто в сравнении с состоянием Гаджи-аги.

Теперь расскажу вам, как досталось Гаджи-аге это огромное состояние. Часть имущества он унаследовал от отца и дедов, а остальное нажил сам. Но ни он, ни его предки гроша не истратили на приобретение всего этого имущества.

Часть денег была передана Гаджи-аге для раздачи нищим.

Какой-нибудь богач, почувствовав в смертный час угрызение совести, оставляет завещание, по которому его имущество или доходы идут на поддержку бедных. По канонам шариата, исполнение таких завещаний нельзя доверять кому попало. Обычно душеприказчиком в таких случаях избирали Гаджи-Мирза-Ахмед-агу, который все завещанное имущество и приобщал к своему.

В этом деле ему были на руку правила и традиции; из этого имущества воспрещалось оказывать помощь нищим, открыто собирающим милостыню, и поэтому распределение доходов между бедняками должно было производиться негласно. Кто осмелился бы заподозрить Гаджи-агу в нечестности?!

Вдобавок ко всему несколько лет тому назад какой-то мюрид переслал Гаджи-аге в дар сто тысяч туманов и свою дочь.

Доходы Гаджи-аги составляли в год по меньшей мере пятьсот тысяч туманов.

По четвергам из кассы Гаджи-аги производилась выдача денег беднякам. Каждому нищему, который приходил к его дверям, выдавалось по полкрана. Это составляло с десяток туманов в неделю.

Затем в первую десятидневку мухаррама за счет аги угощали нищих, слушавших марсие, чаем, кофе и шербетом. Этим и ограничивались все расходы Гаджи-аги на бедных.

Зато знать и богатые купцы часто захаживали к Гаджи-аге ублажить чрево душистым пловом и послушать душеспасительные речи.

Но и из этого общества могли бывать у Гаджи-аги не все, а лишь те, которые совершали намаз, соблюдали посты, вносили хумс и зекят; для строптивцев дверь Гаджи-аги была крепко заперта. А все суммы хумса и зекята проходили через святые руки Гаджи-аги.

Некий путешественник – француз, как-то посетивший нашу страну, выразил настойчивое желание познакомиться с Гаджи-Мирза-Ахмед-агой. Тот охотно согласился его принять, добавив, что его интересует узнать, что делается во Франции. Встреча состоялась.

Вот что рассказывал француз об этом посещении:

– В назначенный час я с женой пришел в гости к Гаджи-аге. Нас провели через несколько комнат в зал, меблированный по-европейски, и пригласили сесть.

Вскоре через другие двери вошел красивый мужчина в белом шелковом халате. Это и был Гаджи-ага. Мы встали и приветствовали его. Гаджи-ага через переводчика, которого я привел с собой, просил передать жене, что насколько ему известно, во Франции женщины не встают при появлении мужчины, и он просит ее не беспокоиться и вести себя согласно обычаям своей страны.

Побеседовав с нами несколько минут, Гаджи-ага велел подать кофе.

Слуга принес кофе и несколько марок лучших французских ликеров.

– Прошу вас! – обратился к нам ага. – Я вижу, вы удивлены, но удивляться нечему. У меня часто бывают иностранцы, и, потчуга гостей, я стараюсь придерживаться их обычаев.

Ага выпил с нами кофе, но не коснулся ликеров.

Так повествовал француз. Но злые языки болтали о его воздержании совсем иное.

Вернемся, однако, к нашему рассказу.

* * *

После ухода гостей Гаджи-ага позвал слугу:

– Приведи юношу!

Войдя в комнату, Ферман низко поклонился и стал у дверей.

– Кто ты такой?

– Ага, я сын бакалейщика Ибрагима, брата Гаджи-Камяба.

– Значит, ты племянник Гаджи-Камяба? Прекрасно. Гаджи-Камяб хороший человек, набожный, честный... А кто такая девушка?

– Ага, она моя двоюродная сестра, дочь Гаджи-Камяба. Мы росли с ней вместе и, выросши, полюбили друг друга. На днях дядя решил выдать ее за сына Худаяр-хана и принял от него свадебный подарок. Девушка и я пришли искать у вас защиты. Или обвенчайте нас, или прикажите убить обонх у ваших дверей.

– Не говори так, сын мой! Раз ты пришел ко мне просить защиты, то добьешься ее. Говорят, брак двоюродного брата с двоюродной сестрой предопределен небом. Будь покоен. Я умиротворю и Гаджи-Камяба, и Худаяр-хана. Они не посмеют мне прекословить.

Ферман, опьяненный счастьем, ушел в отведенную ему комнату.

Оставшись один, Гаджи-Мирза-Ахмед-ага стал прохаживаться по комнате, рисуя себе будущую счастливую жизнь двух молодых влюбленных.

«Какое доброе дело, – думал он, – помочь соединиться любящим сердцам! Пусть живут счастливо и молятся за меня!»

И вдруг в голове Гаджи-аги мелькнула дьявольская мысль: «Как бы не так! Упустить такой случай – безумие! В другой раз не подвернется... К черту Фермана! К дьяволу Худаяр-хана! Я сам женюсь на девушке! Можно ли отказаться от богатства Гаджи-Камяба?»

* * *

Гаджи-ага вызвал на следующее утро Гаджи-Камяба. Тот явился и, поклонившись, стал ждать вопросов хозяина.

– Алейкум-салам, Гаджи-Камяб! Садись!

– При вас я могу и постоять, ага.

– Нет, нет. Садись рядом.

Гаджи-Камяб почтительно опустился на колени.

– Гаджи! Говорят, тебя постигла неприятность. Что случилось?

– Постигла не неприятность, ага, а большое несчастье. У меня есть брат – неудачник, а у него сын – бездельник. Я же, как изволите знать, имею, благодаря вашим молитвам, кусок хлеба. Кто захочет, чтобы его имущество досталось чужим! Я мечтал о том, чтобы приблизить к себе племянника и выдать за него, простите на слове, мою единственную дочь. Но сколько я ни бился, убеждая племянника не водиться с

шалопами, заняться делом, ничего на него не действовало. Наконец я был вынужден совершить помолвку дочери с сыном Худаяр-хана. Теперь этот нечестивец, мой племянник, не знаю каким образом, сговорился с моей дочерью и несколько дней тому назад скрылся с нею. Я искал их всюду. Но они канули, словно камень на дно колодца.

Ага улыбнулся:

– Это дно колодца – мой дом. Твоя дочь и Ферман здесь. Я пригласил тебя, чтобы уговорить выдать дочь за Фермана.
– Ага, вы можете отрубить ей голову. Но я не отдам ее за нечестивца. Кроме того, я дал слово Худаяр-хану и уже принял от него подарок.

– В таком случае, согласись на другое предложение. Говорят, лучше всего золотая середина. Выдай дочь за меня. Что скажешь? А объясняться с Худаяр-ханом буду я.

Гаджи-Камяб, никак не ожидавший такого оборота дела, в первую минуту растерялся и не сразу мог собраться с мыслями.

«Отвергать такое предложение – глупо! – мелькнуло в сознании. – И что я теряю? Благодаря поддержке Гаджи-Мирза-Ахмед-аги буду торговать еще лучше... Гаджи-ага куда богаче и влиятельнее Худаяр-хана. Не у Худаяр-хана буду закупать товар, а у Гаджи-аги, и ко всему еще такая честь – быть тестем мучтеида Гаджи-Мирза-Ахмед-аги! Не всякий может ее удостоиться...»

– Я уже сказал вам, ага! – ответил он после недолгой паузы. – Вы властны даже убить мою дочь. Как вы находите нужным, так и распорядитесь. Я не возражаю.

– Очень хорошо! Поздравляю! Вижу, ты утомлен. Поди отдохни, а потом я тебе сообщу, когда будет брачный обряд.

Гаджи-Камяб, поклонившись, вышел и, придя домой, сказал жене:

– Жена, мы купили патаку, а она оказалась медом! Девушка – у Гаджи-Мирза-Ахмед-аги, который хочет взять ее в жены. Что удивительно, он даже просил моего согласия! Да не только я, но и моя сорочка согласна.

Услышав эту новость, жена Гаджи-Камяба чуть не пустилась в пляс от радости.

«Теперь не то что жена Камран-хана, – рассуждала она, – но и жены всех аристократов будут вставать при моем появлении в обществе. Пусть ослепнут завистники!..»

***

На другое утро Гаджи-Мирза-Ахмед-ага велел передать юноше, что Гаджи-Камяб был вызван для переговоров, Ферман может безбоязненно возвратиться домой. Когда будет нужно, Гаджи-Мирза-Ахмед-ага его позовет.

Как ни добивался Ферман, чтобы ему разрешили повидаться с двоюродной сестрой и сказать ей несколько слов, ему это не удалось. Слуга был неумолим и повторял:

– Ага не приказывал...

Юноша вернулся домой, но несколько дней скрывался от отца, пока случайно не столкнулся с ним лицом к лицу.

– Нехорошо ты поступил, – стал его укорять отец. – Гаджи-Камяб – твой дядя, и нельзя было так оскорблять его. Особенно после того, как он проявил к тебе такую заботливость: дал тысячу туманов и обещал помогать в дальнейшем. Нельзя затыкать пальцем дыру, откуда свет идет.

– Отец! – ответил Ферман, не поднимая головы. – Дело прошлое. Гаджи-Мирза-Ахмед-ага уже вызывал дядю и захотел уладить. Конечно, дядя на меня обиделся и некоторое время не захочет меня видеть. Но Гаджи-Мирза-Ахмед-ага нас впоследствии помирит.

Говоря так, Ферман все же не мог побороть преследовавшие его черные мысли.

«Ну, все это хорошо! – думал он. – Почему же после переговоров с дядей Гаджи-Мирза-Ахмед-ага удалил меня из своего дома и не дал даже повидаться с двоюродной сестрой? Может быть, дяде удалось склонить Гаджи-агу на свою сторону и он решил передать девушку Худаяр-хану? Конечно, я не ровня Худаяр-хану. Он человек богатый, полушах, а я ничтожный бедняк. У Худаяр-хана сотня таких слуг, как я...»

***

Как-то проходя мимо дома Гаджи-Камяба, Ферман заметил нагруженных всяким добром лошадей и мулов. От слуги он узнал, что это – приданое дочери Гаджи-Камяба и отсылается в дом Гаджи-Мирза-Ахмед-аги.

Ферман долго бился над разрешением этой загадки, и, наконец, остановился на предположении, что Гаджи-Мирза-Ахмед-ага хочет переселить к нему невесту прямо из своего дома, обставив этот обряд со всей торжественностью и пышностью.

Ободренный этими мыслями, Ферман пошел домой. По дороге он встретил приятеля, который, взглянув на беззаботно-веселое лицо Фермана, понял, что юноша не знает, кому досталась его невеста.

Поболтав о том, о сем, приятель спросил Фермана:

– Ты ничего не слышал о последней новости?

– Какой именно?

– Все именитые купцы собрались сегодня к Гаджи-Камябу, чтобы присутствовать при составлении описи приданного Гоартадж.

– Да, только что видел караван с домашними вещами, который направлялся к дому Гаджи-Мирза-Ахмед-ага.

– И ни о чем не догадываешься?

– Я решил, что Гаджи-ага собирается вручить мне девушку и ее приданое своими святыми руками.

– Ах, чтоб отсохли эти святые руки! Все наши усилия пошли прахом.

– Как? Что ты говоришь?

– Видно, ты ничего не знаешь. Господин Гаджи-Мирза-Ахмед-ага сам завладел девушкой.

– Какие глупости ты говоришь!

– Глуп ты, потому что не знаешь того, о чем говорит весь город...

У Фермана потемнело в глазах и все пошло кругом. Не прощаясь с товарищем, он, как безумный, бросился домой и застал там отца, который стоял, жалко прижавшись к стене, и скорбно смотрел перед собой. Гневно швырнув папаху на пол, Ферман заговорил взволнованно:

– Кому же после этого верить? Есть ли на земле и на небе что-либо, во что можно верить? Кому доверять, если на земле не осталось ни одного честного человека? И во что верит сам Гаджи-Мирза-Ахмед-ага, называющий себя мучтеидом? В кого он верует, кому поклоняется? Аллаху? Какому аллаху? Где этот аллах?

– Не богохульствуй! – остановил его Ибрагим. – Если твои слова дойдут до слуха Гаджи-ага, по одному его знаку народ растерзает тебя на куски.

– Гаджи-ага не в силах сделать со мной ничего страшнее того, что он сделал. Теперь жизнь для меня тяжелее любой смерти... Пусть убьют меня, только бы этот Гаджи-ага был счастлив... Пусть на своей свадьбе зарежет меня, как жертву... Но я говорю открыто и буду повторять повсюду. Я надену чарыхи, подбитые железом, возьму железный посох и обойду весь мир, разглашая, что этот мучтеид – обманщик и плут, а его бог – золотой телец, которому он поклоняется. Религию, веру, честь он превратил в средство наживы. На что святому такие богатства? Гаджи сведуш во всех науках, и если он поступает так, значит, ни во что не верит, значит, не во что верить... Если б на земле или на небе было во что верить, он, этот ученый, знал бы об этом. Нет, между землей и небом копошатся гады в чалмах и халатах – все эти мучтеиды и моллы, эти хищные волки. А твой Гаджи-Мирза-Ахмед-ага матерой волк, главный кровопийца. Проклятие ему, проклятие его святой бороде!

– Сын, – стал умолять его отец, – перестань. Ты погубишь и себя, и меня.

– Я сегодня же иду отсюда. Не могу здесь больше оставаться. Иду по свету и везде буду разглашать о подлостях этих лицемеров. Или добьюсь своего, или умру где-нибудь на краю дороги.

Ферман выбежал из дому.

– Какое несчастье, господи! – воскликнул Ибрагим, объятый ужасом. – Мой сын помешался. Начнет поносить Гаджи-Мирза-Ахмед-агу, и народ разгромит мой дом.

Ферман вскоре вернулся со свертком. В нем была одежда дервиша.

– Отец! – сказал он, переодевшись. – Сегодня ночью я иду из города. Если ты услышишь о дервише Накяме, знай, что это твой сын. Под этим именем я обойду весь мир. Не знаю, где придется сложить голову. Об одном лишь мечтаю, чтобы перед смертью глаза мои увидели стену дома бесчестного Гаджи-Мирза-Ахмед-ага и сердце мое почуяло за нею мою возлюбленную, так же, как и я, обреченную на страдания. Я уйду, отец, и завешаю тебе: не верь моллам! Все, что они говорят, лицемерие и ложь, их аллах и шарият – также ложь, иначе они сами верили бы в них, не наживали бы богатства, не жили бы в райских дворцах, не ели бы изысканных блюд и не наслаждались бы прекрасными девами. Вместо этого они жаждали бы затробного рая, который восхваляют на тысячу ладов. Теперь я убедился в

лживости и загробного мира. Не будь он выдумкой, наши духовные отцы, отвергающие земную жизнь и называющие земные богатства алкым племенем, не искали бы этих богатств.

Прощай, отец! Не грусти обо мне! Прощай!

***

Гоартадж поселили в роскошно убранной комнате. Прислужницы, повинаясь приказанию Гаджи-Мирза-Ахмед-аги, исполняли все ее желания. Единственно, что удручало девушку, это то, что она лишилась возможности видеться с двоюродным братом. На просьбы разрешить ей повидаться с ним прислужницы отвечали, что хотя он ей и двоюродный брат, но пока не станет мужем, их встреча в доме Гаджи-Мирза-Ахмед-аги недопустима, так как это нарушило бы каноны шарната.

Пусть потерпит, на днях совершится брак, и она на всю жизнь соединится с возлюбленным.

Так успокаивали девушку. Ей передали даже о том, что Гаджи-Мирза-Ахмед-ага вызывал ее отца и говорил с ним.

И вот однажды вечером прислужницы занялись туалетом Гоартадж – выкрасили хной волосы, кисти рук и ноги до лодыжек.

Утром, после купанья в бассейне, умастили ее тело ароматными маслами, затем искусная в этом мастерица выравнила ей брови. Весь день женщины возились с нарядами Гоартадж.

Вечером надели на нее свадебное платье, покрыли голову шитым золотом прозрачным красным тюлем, и двое женщин отвели ее в спальню. Там оставили ее одну, пожелав всяких благ.

Гоартадж стала ждать возлюбленного. Услышав шаги, она зарделась от радости, и у нее забилося сердце.

– Вот Ферман идет!..

Открылась дверь, и вошел Гаджи-Мирза-Ахмед-ага.

– Добро пожаловать, прелестная девушка! Ты украсила этот дом своим присутствием.

Гоартадж в первую минуту растерялась, но тут же решила, что Гаджи-ага пришел сказать ей напутственное слово. Когда же, сняв чалму и верхнее платье, Гаджи с горящими от вождения глазами

стал подходить к девушке, она поняла обман и, громко вскрикнув, упала без чувств.

Встревоженный Гаджи-ага выбежал из комнаты и позвал старшую жену. Он хотел даже послать за главным врачом Мирза-Мехти, но жена отсоветовала:

– Девушка – молодая. Это обычно так бывает. Пройдет день, другой, и все обойдется.

Через несколько минут все женщины дома хлопотали вокруг Гоартадж, стараясь привести ее в чувство, но это им не удавалось. Время от времени она приходила в себя, открывала глаза, затем, окинув окружающих мутным взглядом, снова впадала в беспамятство.

Так провозились с Гоартадж до утра. Наконец она очнулась. В ответ на уговоры и наставления ухаживающих за нею женщин девушка шептала лишь два слова:

– Домой хочу!..

Послали за матерью Гоартадж. Застав дочь в таком состоянии, она от досады стала бить себя по коленям:

– И что за штуки ты выкидываешь? Аллах послал тебе такое счастье, что-и присниться не могло. Ну, что нашла ты в том проходимце?! У тебя такой муж, как мучтеид Гаджи-Мирза-Ахмед-ага! Тебе завидуют дочери всех ханов и принцев! Вся знать уже поздравляла твоего отца. Даже эта горячка, жена Камран-хана, вчера приходила ко мне с поздравлениями... Твое поведение погубит и меня, и твоего отца. А вдруг Гаджи-ага разгневется и, взяв за руку, выставит тебя за дверь. После этого отец нигде не сможет показаться, и как я буду смотреть в лицо жене Камран-хана и другим женщинам. О тебе самой начнут рассказывать всякие гадости. Как я могу допустить, чтобы хулили и бесчестили девушку, которую я берегла как зеницу ока. Дочь моя, образумься! Гаджи-Мирза-Ахмед-ага выше самого падишаха, а ты предпочитаешь ему какого-то бездельника. И еще имей в виду, что, если станет известно о твоём поведении отцу, он убьет тебя.

Чувства свою полную беззащитность и беспомощность, Гоартадж в отчаянии отвернулась к стене.

Отчитав ее, мать ушла. Остальные женщины продолжали всячески уговаривать Гоартадж.

Слава о дервише Накяме быстро разнеслась по всей стране. Он был высокого роста, черноглазый, густые его волосы падали до плеч. Дервиш Накям обладал прекрасным голосом и пел грустные песни. Повсюду толпы народа окружали его и охотно слушали, как он поет.

И пел он не религиозные касиды, как все дервиши, а рубаи Омара Хайяма, газели Саади и касады Гаани. Когда он пел:

*Без шапки я, но горя нет, мне шапкой – свод небес,
Кошмою мне цветущий луг, дворцом зеленый лес! –*

со всех сторон слышались слова одобрения.

Или, когда на мотив «шур» он пел из газелей Саади:

*С наслажденьем ловит ухо все, что производит друг,
Для души отрадой делать все, о чем попросит друг! –*

слушатели не могли удержаться от слез, так как знали о его горе.

Подлый поступок Гаджи-Мирза-Ахмед-аги вызвал в народе негодование, это было негодование против всего духовенства. И Накям подливал масла в огонь.

Знать и купечество тоже развелись его пением. И везде, где собирався народ, он пел, а потом, в беседе, прикрываясь шуткой, разоблачал представителей духовенства.

– Посмотрите на этих духовных отцов, – говорил он. – Когда кто-нибудь из них, объявив себя мучтеидом, совершает намаз, за ним теснится столько народу, что мечеть не может вместить молящихся. Люди толпятся на площади, только бы совершить намаз поближе к мучтеиду. А когда такой духовный отец идет по улице, за ним, как стадо баранов, следуют мюриды. И он ухмыляется от удовольствия. Все имущество народа, его честь и достоинство, – все принадлежит ему. Яд властолюбия отравил этих святош. Чтобы завербовать побольше мюридов, каждый из них объявляет другого мучтеида вероотступником. Один называет себя усули, другой – шейхи, третий – шиит, четвертый – суннит. А пятый заявляет – все вы лжете. Я сам – бахаулла, душа божия, и получил с небес указание, что коран ваш устарел. Ангел Джебраил ежедневно беседует со мной, и истина вложена лишь в мои уста. Все эти споры – лишь борьба за власть, которая дает возможность святошам стричь народ, как баранту. Они – лицемеры и

ханжи, сами ни во что не веруют и, как ученые, знают, что и веровать-то не во что...

Когда он замечал, что такие речи оскорбляют кое-кого из богобоязненных слушателей, то начинал рассказывать шутливые истории, пел какую-нибудь трогательную песню.

– Вы не придавайте значения моим безбожным словам, – говорил он, как бы оправдываясь. – Я дервиш, а вы ведь знаете, что верим мы по-разному...

Вот так искусно и незаметно он все же ронял в души слушателей искру сомнения.

За несколько лет дервиш Накям исходил Иран, Кавказ, Туркестан, Индию. Он притворялся веселым, беззаботным шутником. А по ночам лил слезы, вспоминая свою Гоартадж.

С каждым днем он худел и слабел. Наконец стал харкать кровью, и голос его потерял былую силу. Но все же вдохновенное пение захватывало сердца слушателей.

И вот внезапно дервиш Накям исчез. Одни говорили, что он умер, другие – что ушел в Индию или еще куда-то лечиться. Но все ждали его и ждали.

Певцы пели сложенные им песни, и образ дервиша Накяма еще ярче запечатлевался в памяти людей.

В доме Гаджи-Мирза-Ахмед-аги все старались, чем могли, угодить Гоартадж. И все же она два дня была на ногах, а три дня хворала. Врач Мирза-Мехти регулярно навещал ее несколько раз в неделю.

Прошло три года, как ушел из города Ферман.

Никто не подозревал, что болезнь Гоартадж вызвана разлукой с возлюбленным. Один Мирза-Мехти знал причину ее болезни.

За три года пребывания в доме Гаджи-аги она ни на минуту не забывала Фермана. Дом Гаджи-аги стал ей тюрьмой. Гаджи-Мирза-Ахмед-ага подарил ее драгоценностями. Прислужницы исполняли малейшие ее прихоти. И все же, выходя по вечерам в садик, она их обычно отсылала:

– Оставьте меня одну. Я вас потом позову...

Как-то сев одна у розового куста, Гоартадж перебирала в памяти все события, связанные с именем любимого человека, и, как Лейли, посылала ему привет через луну и облака.

– Наверное, на эту луну смотрит сейчас и Ферман! Ах, если бы я могла превратиться в пташку и полететь к нему. Горюет ли он, как я, или нашел утешение с другой и забыл свою Гоартадж? Нет! Ферман верен мне. Болен ли и он, как я, или здоров? Я не хочу, чтобы он болел, пусть будет здоров и после моей смерти приходит ко мне на могилу... Не суждено было ему видеть меня живой, пусть хоть могилу навещает. Или этот бесовский Гаджи-Мирза-Ахмед-ага не пустит его и к моей могиле?..

И вдруг Гоартадж показалось, что из-за куста жасмина на нее смотрит Ферман. Громко вскрикнув, она упала. На крик прибежали прислужницы, обрызгали лицо водой и привели ее в чувство.

С этого дня болезнь Гоартадж настолько усилилась, что она уже не вставала с постели.

Врач Мирза-Мехти теперь посещал ее ежедневно по три раза и выписывал разные лекарства. Но он хорошо знал, что они ее не излечат. Исцелить Гоартадж могло лишь одно средство, но его нельзя было достать в аптеке.

***

И вот однажды Гаджи-Мирза-Ахмед-ага велел вызвать к себе врача.

– Мирза-Мехти! – обратился к нему Гаджи-ага. – Уже три года, как моя жена болеет. После ваших посещений она в течение нескольких часов чувствует себя лучше, разговаривает, смеется, а потом снова становится ко всему равнодушной. Я не сомневаюсь в том, что вы определили ее болезнь, но, быть может, не находите нужных средств для ее исцеления. Если вы считаете нужным, я выпишу шахского лейб-медика или врачей из Франции.

Мирза-Мехти не решился открыть причину болезни Гоартадж и ответил, что он не возражает против приглашения лейб-медика, но считает болезнь Гоартадж неизлечимой.

После этой беседы Гаджи-Мирза-Ахмед-ага углубился в тяжелые размышления. Он жалел не о самой Гоартадж. Сотни таких и еще более красивых девушек свалил бы за честь разделить с ним ложе. Его удручала мысль о том, что Гоартадж умрет, не оставив наследника, и богатство Гаджи-Камяба ускользнет в чужие руки.

Вот что не давало покоя Гаджи-Мирза-Ахмед-аге!

***

Как-то утром сторож, открывая городские ворота, увидел молодого дервиша, который лежал у стены и стонал. Сторож стал его расспрашивать: кто он, откуда и что с ним случилось?

– Я пришел издалека, – отвечал дервиш. – Я болен и устал от долгой дороги. Дай мне глоток воды.

Сторож напоил его.

– Знаешь ли ты здешних горожан? – спросил дервиш, переведя дыхание.

– Всех более или менее видных знаю.

– А Гаджи-Камяба, что живет в квартале Заргеран?

– Кто ж его не знает?

– У него брат – Ибрагим. Может быть, и его знаешь?

– Конечно, знаю.

– Я не в силах идти один. Помогите мне дойти до его дома.

Встав рано поутру, Ибрагим собрался идти в лавку. Он еще издали увидел сторожа, который вел, поддерживая под руки, больного дервиша с длинными волосами и густой бородой. У дервиша было молодое лицо и седые волосы. Подойдя ближе, Ибрагим только по глазам узнал Фермана.

– Ах, сын мой! Во что же ты превратился! Где твой стройный стан, широкая грудь, румяные щеки, улыбающиеся уста? – И, горько заплакав, Ибрагим стал целовать его.

Когда Ферман, единственная его опора в жизни, ушел из дому, Ибрагим утешал себя мыслью, что сын, побывав в новых странах, рассеется, забудет свое горе.

Теперь Ферман был похож на выходца с того света. Кожа приспала к костям, грудь свалилась, лицо осунулось и поблекло, плечи

торчали острыми углами. Ферман, гордость молодежи, брел, как тень.

С помощью сторожа Ибрагим привел Фермана в комнату и уложил его в постель.

– Ты, наверно, простудился. Сейчас приготовлю настой из корицы. Выпьешь, пропотеешь, и тебе станет лучше...

Ибрагим хотел выйти, чтобы заняться приготовлением настоя, но Ферман удержал его за руку.

– Не хлопочи, отец! Целых три года как я тебя не видел. Лучше побеседуем. Настой из корицы мне не поможет. Видишь, что со мной сделали твой брат и пастырь народа Гаджи-Мирза-Ахмед-ага?

Фермана стал душить тяжелый кашель, от которого его бросило в пот.

Передохнув, он продолжал:

– Отец, ты видишь, что со мной! Этой болезнью я обязан им. Доволен ли дядя родством с Гаджи-агой? Счастлива ли Гоартадж в доме мужа? Пусть будет счастлива, добрая она душа! Попроси дядю, чтобы хоть издали передал ей мой привет. Или этот бессердечный человек и в этом мне откажет. Пусть знает Гоартадж, что, почувствовав приближение смерти, я добрел до родного города, чтобы, испуская последний вздох, взглянуть на стену, скрывающую мою возлюбленную.

– С того дня, как ты уехал, – начал рассказывать Ибрагим, – больна и Гоартадж. А дядю не узнаешь. От горя и дум он превратился в скелет. Врач Мирза-Мехти по несколько раз в день посещает дом Гаджи-аги; Гаджи вызывал даже придворного шахского врача. Тот пробыл здесь несколько дней. Гоартадж больна чахоткой. И нет надежды на ее выздоровление.

– Значит, она осталась мне верна. Я в ней никогда не сомневался... Честь и слава ей!..

Ферман, закрыв глаза, лежал в забытьи. Ему показалось, что вошла Гоартадж. И он стал шептать...

Отец стал прислушиваться и разобрал эти поэтические строки:

*Уходишь ты, и я уйду вслед,
Глядеть на друга – лучшей доли нет.
Давно душа от тела отлетела,
Душа другая оживила тело.*

Все, что во мне, все, чем живу я – ты!

Меня уж нет, что было мною – ты!

Вдруг Ферман вскочил в волнении и, протянув руки вперед, крикнул:

– Не уходи, помедли хоть миг!

– С кем ты говоришь? – спросил Ибрагим.

Но Ферман не смог ответить, его стал душить кашель... После припадка пошла горлом кровь. Видя безнадежное состояние сына, Ибрагим зарыдал.

– Не плачь, отец! – стал успокаивать его Ферман. – И пусть порадуется дядя...

Ибрагим побежал за врачом и привел жившего по соседству Мирза-Гейдаркули. Тот осмотрел больного, покачал головой, затем прописал рецепт и, уходя, сказал:

– Заваривайте это лекарство, как чай, и давайте ему пить три раза в день.

Наутро, войдя в комнату сына, Ибрагим застал его в хорошем настроении.

– Сегодня мне лучше, – обратился он к отцу. – Как будто я поправляюсь... Дай мне молока.

Ибрагим принес молоко. Больной жадно его выпил.

– Отец! Второй день я здесь, а друзья не знают о моем возвращении. Я очень хочу с ними повидаться...

Не прошло и часа, как друзья и товарищи, окружив Фермана, рассказывали обо всем, что произошло в городе за эти годы. А он описывал им чужеземные страны, города и их жителей. Устав от разговоров, Ферман закрыл глаза.

Товарищи на цыпочках вышли из комнаты и, прощаясь, обнадежили Ибрагима:

– Ферман скоро поправится...

Через некоторое время больной проснулся от жестокого кашля. Ибрагим вбежал к нему. После приступа Ферман лежал, как мертвый.

– Дитя мое, – сказал отец. – Ведь только что тебе было совсем хорошо. Что с тобой?

Собрав силы, Ферман сказал отцу:

– Мне плохо, отец. Попроси ко мне врача Мирза-Мехти.

– Сын мой, его посещение стоит слишком дорого. У меня не хватит средств оплатить его труд. Хочешь, я опять позову Мирза-Гей-даркули?

– Нет, его мне не надо... Пойди к Мирза-Мехти и передай, что Ферман приехал и очень хочет его видеть. Он непременно придет, услышав мое имя. Иди, отец...

И в самом деле, Мирза-Мехти не заставил себя ждать. Взглянув на Фермана, врач сразу увидел на лице больного печать смерти. Сосчитав пульс, он сказал Ферману:

– Болезнь у тебя не тяжелая, бояться нечего. Я сам буду тебя лечить, и ты скоро поправишься.

Мирза-Мехти собрался было прописать лекарство, но больной остановил его:

– Не стоит беспокоиться, Мирза! Моя болезнь неизлечима. Я вас потревожил по другому поводу. В прошлом вы оказали мне большую услугу. Правда, вышло не то, что я ожидал. Но вы здесь ни при чем. Так сложилась судьба... Я вас хочу просить об одном. Вы лечите Гоартадж. Не можете ли вы оказать услугу: передать привет и сообщить о моем недуге. И еще передайте, что разлука с ней вызвала эту тяжелую болезнь, от которой я умираю... Я жажду взглянуть на Гоартадж и потом умереть. Но это невозможно, и я прошу ее лишь об одном: послать мне что-нибудь из своих вещей, чтобы я в них мог почувствовать и ощутить ее аромат.

Мирза-Мехти обещал исполнить просьбу Фермана.

***

Утром Ибрагим вошел в комнату сына с обычным вопросом:

– Как себя чувствуешь, сын мой?

– Хорошо, отец. Скоро должен прийти Мирза-Мехти.

Не сводя угасающих глаз с двери, Ферман повторял:

– Все еще нет его... Неужели я умру, не осуществив хоть этой мечты?

А через минуту он вскрикивал:

– Нет, я не умру, пока не дождусь...

– Чего ты ждешь, сын мой? – спросил отец.

– Не тревожься, отец... Выйди на улицу, взгляни, не идет ли Мирза-Мехти?

Ферман переживал чрезвычайно тревожные мгновения и каждые пять минут опять обращался к отцу с тою же просьбой.

Наконец Ибрагим сообщил сыну, что Мирза-Мехти идет.

Ферман поднял голову с подушки и сел на постель.

Врач приветствовал больного саламом.

– Присаживайтесь, Мирза... Видели Гоартадж?

– Видел.

– Тогда разрешите, Мирза, поцеловать ваши глаза.

Мирза-Мехти наклонился к Ферману, и тот несколько раз поцеловал его глаза.

– Мирза, вы передали ей мою просьбу? – спросил он потом.

– Передал в точности, и вот тебе подарок от Гоартадж.

Он достал из-под плаща женскую рубашку и платок весь в пятнах от крови.

Ферман прижал их к лицу и стал вдыхать их запах.

– Ах, как сладко! – проговорил он. – Я ощущаю аромат Гоартадж. – Я очень вам благодарен, хеким-баши. Как жаль, что я не буду жить и мне не удастся по достоинству отблагодарить вас...

Потом он пристально взглянул на рубашку и, глубоко вздохнув, прошептал:

– Любимая! Долгая разлука вызвала эту болезнь. Дни и ночи я твердил твое имя! Как неугасимый светильник, сиял мне твой образ. Как блестящая звезда, ты освещала и указывала мне путь. По ночам, подняв глаза к луне, я видел тебя. Предчувствие смерти привело меня сюда, чтобы испустить последний вздох близ тебя. Не довелось тебя увидеть... Глядя на твою рубашку, прощаюсь с тобой. Прощай, возлюбленная! Прощай, душа моя!

И он припал лицом к рубашке и навеки закрыл глаза.

Хеким-баши, вытирая слезы, тихо вышел из комнаты.

***

В этот же день, муэдзины со всех минаретов городских мечетей возвестили о кончине супруги мучтеида Гаджи-Мирза-Ахмед-аги.

Перед смертью Гоартадж позвала мужа и сказала ему:

– Простите меня, ага! Три года я рабыней прожила в вашем доме и ни разу не посмела возразить вам или обратиться с просьбой. Я отвечала лишь на ваши вопросы и выполняла ваши желания. Я не посмела открыть вам причину моей неизлечимой болезни. Ни врач, ни вы не могли меня вылечить, хотя вы знали причину болезни. Теперь, умирая, хочу просить вас об одном. Исполните эту просьбу, и душа моя будет навеки вам благодарна. Велите вырыть мою могилу рядом с могилой Фермана. Он тоже близок к смерти...

Гаджи-Мирза-Ахмед-ага обещал исполнить ее желание. Гоартадж нагнулась поцеловать руку Гаджи-аги, и ступок алой крови упал ему на руку. Больная откинулась на подушки и перестала дышать.

Горожане собрались в доме Гаджи-Мирза-Ахмед-аги, чтобы выразить ему свое соболезнование. Похороны были исключительно пышные.

Но Гаджи-ага нарушил обещание – он похоронил Гоартадж в своем саду.

***

Закончив рассказ, привратник указал на человека, подметавшего улицы ада:

– Вот кто погубил два молодых существа, беззаветно любивших друг друга.

– Довольно, – сказал я спутнику. – Уйдем отсюда. Пускай он подметает улицы. Как бы его ни наказали, все это будет мало. Твой рассказ прожиг мне сердце. Уйдем поскорее.

Я чувствовал себя настолько подавленным, что потерял охоту продолжать путешествие по аду.

«Неужели тут может оказаться еще более гнусный преступник? – подумал я. – Злодеяния всех других грешников, которых я встретил в

аду, – только детская игра по сравнению с преступлением этого негодяя. С меня хватит. Надо возвращаться домой».

– Братец! – обратился я к провожатому. – Простите за беспокойство... Вы меня очень обяжали, показав ад. Теперь, пожалуйста, выведите меня. Я не в силах больше здесь оставаться...

Привратник хотел показать мне еще другие части ада, но я наотрез отказался. И он повел меня к выходу.

СОДЕРЖАНИЕ

Джалил Мамедкулизаде	
Барашек (перевод Т.Калякиной)	5
Бородатый ребенок (перевод Т.Калякиной).....	10
Абдурагим бек Ахвердов	
Рассказ привратника (перевод Азиза Шарифа).....	15

Редактор: *Эльшад Азизова*
Художественный и технический редактор: *Абдулла Алекперов*
Художник: *Гюндуз Агаев*
Компьютерный дизайн: *Тахмасиб Мехтиеv, Саадат Гулузаде*

Подписано в печать: 25.12.2009.
Формат бумаги 70x100^{1/16}.
Заказ 120. Цена договорная.

Издательско-полиграфическое объединение ООО «Təhsil»
Баку, AZ 1052, ул. Ф.Хойского, 121А
Контактные телефоны: (+994-12) 567-81-28/29
e-mail: tahsil_az@yahoo.com

*Cəlil Məmmədquluzadə,
Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev*

HEKAYƏLƏR
(Rus dilində)
Bakı, «Təhsil», 2010.

